

ALPHATART

재혼
황후

ВТОРОЙ БРАК
ИМПЕРАТРИЦЫ

1

Alphatart
Второй брак
императрицы. Том 1
Серия «Второй брак
императрицы», книга 1
Серия «Императорские свитки.
Жемчужины азиатского фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74325221

*Второй брак императрицы. Том 1 / Alphatart ; [перевод с корейского П.
Садиковой]; Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-251833-1*

Аннотация

Навье всю жизнь готовилась стать идеальной императрицей, и ее старания окупились. Теперь она – блистательная правительница Восточной империи, жена императора Совьешу. Брак был заключен по расчету, но с детства их связывала нежная дружба, которая со временем могла перерасти в нечто большее.

Однако Навье никогда не думала об этом всерьез, пока однажды Совьешу не привел в их дворец красивую беглую

рабыню. Та становится его официальной фавориткой, а следом беременеет долгожданным наследником престола.

Мир императрицы переворачивается с ног на голову. Обманчиво беззащитная фаворитка ведет свою игру, Совьешу все сильнее отдаляется от своей законной жены, и Навье кажется, что ее жизнь вот-вот разрушится. Но тайная дружба с прекрасным и загадочным принцем из соседнего королевства помогает все изменить...

Культовая новелла, не имеющая аналогов: 159 млн прочтений на оригинальной платформе Naver, № 1 среди корейских новелл в жанре ромэнтэзи на Rulate!

Литературная основа нового сериала на Disney+ с популярными актерами Син Мина, Чу Джихуном и Ли Джонсоком.

Масштабная история об интригах, измене и любви, которая переживет все.

Роскошное издание с оригинальными иллюстрациями.

В первый том вошли главы 1—79 оригинальной веб-версии новеллы.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Alphatart

Второй брак императрицы. Том 1

ИМПЕРАТОРСКИЕ СВИТКИ

Серия «Императорские свитки. Жемчужины азиатского фэнтези»

Alphatart

The Remarried Empress ##### Vol 1 webnovel

NAVER WEBTOON

The Remarried Empress © Alphatart

All Rights Reserved.

Illustration The Remarried Empress © NAVER WEBTOON

Перевод с корейского языка *П. Садиковой*

Сверка с корейским *Е. Бекетовой*

Издательство «Эксмо» выражает благодарность Екатерине Бодяковской, Софье Ефремовцевой, Марии Момджян, Беате Сольер и Елизавете Трапезниковой за помощь в подготовке этой книги.

© Садикова П.С., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Кажется, я вот-вот лишусь статуса императрицы

– Я согласна на развод.

Стоило мне произнести это, она едва заметно улыбнулась. Неужели я была единственной, кто обратил на это внимание?

Во взгляде Совьешу смешались облегчение и сожаление. Было ли это игрой на публику или его искренними чувствами?

До сих пор я была для него верной соратницей и безупречной императрицей. Да, после того как он привёл ту женщину, наши отношения несколько охладели, но до этого мы даже ни разу не ссорились.

Он отрекается от меня ради своей любви, но даже в этот последний миг он стремится остаться хорошим человеком и достойным императором.

Едва ли ему хочется, чтобы унижительный бракоразводный процесс затянулся из-за моего упрямого нежелания покидать трон, сопротивления моего рода и давления со стороны Верховного Храма, благословившего наш союз.

Таким он был мужчиной – таким был и императором.

– Ваше Императорское Величество! Это же невыносимо! – закричал маркиз Фаранг и кинулся ко мне. Однако стража

остановила его практически сразу, не позволив сделать и шага дальше.

Маркиз, графиня Элиза и заместительница командира императорской стражи рыцарь Артина – все они заслужили мою благодарность.

Я бросила на них последний, наполненный искренней признательностью взгляд и повернулась к Первосвященнику.

– Императрица Навье, вы действительно без всяких возражений соглашаетесь с этим документом о разводе? – немного рассерженно спросил он.

Он думал, что я начну бороться. Что заявлю: «Развод? Никогда!» и «С какой стати мне уступать?». Что потребую суда.

Только вот шанс выиграть суд против Императора равен нулю.

Если бы процесс затянулся на несколько лет, всё это время люди, слушая новости о его ходе, обсуждали бы Императора и его фаворитку. Именно этого и желали Первосвященник, моя семья и друзья.

Я слегка качнула головой.

Если я начну бракоразводный процесс, то, конечно, подпорчу репутацию Совьешу. Но и моё имя пострадает не меньше.

Дело не в том, что меня снедали душевные терзания. Если бы я увязла в этой запутанной истории, я бы не смогла в сложившейся ситуации добиться того, чего желала на самом

деле.

– Да, я согласна на развод.

Мой голос прозвучал ровно и бесстрастно. Первосвященник тяжело вздохнул, покачал головой и молча отвёл взгляд. Тут и там раздались приглушённые вздохи досады и сожаления.

– И я требую одобрения повторного брака.

Атмосфера в зале мгновенно переменилась.

Первосвященник от изумления широко раскрыл глаза. Воцарилась гробовая тишина. Присутствующие переглядывались, не веря собственным ушам.

Даже она, стоявшая рядом с Совьешу, не осталась равнодушной: на её лице проступило странное выражение. Что уж говорить о самом Совьешу: он нахмурил брови и уставился на меня с недоумением.

– Императрица Навье... П-повторный брак? – растерянно переспросил Первосвященник.

Вместо ответа я просто вытянула в сторону руку.

Как по сигналу, мужчина, до этого мгновения скрывавшийся под расшитой крупными жемчужинами вуалью, легко и непринуждённо рассмеялся.

– Ну что, кажется, теперь мой выход?

Тишина сменилась нарастающим гулом перешёптываний. Мужчина уверенным шагом вышел вперёд и встал рядом со мной.

Когда он сбросил вуаль, скрывавшую его лицо, Совьешу, до этого лишь молча наблюдавший за развитием событий, резко вскочил с трона.

– Навье! Да ведь это же...

– Мой будущий супруг, – невозмутимо пояснила я.

Первосвященник побледнел, под его глазами проступили тёмные круги, будто на него внезапно навалилась усталость.

Я лучезарно улыбнулась и посмотрела на мужчину рядом.

Он лишь пожал плечами. Выражение его лица ясно говорило: «Ну а чего ты хотела? Мы же предвидели такую реакцию».

И в этот момент у меня появилось до странного приятное ощущение.

Хотя я делала это не ради мести.

Род Троби, которому я принадлежала, взрастил уже не одну императрицу. Для правителей и аристократов браки по расчёту были в порядке вещей. Их философия заключалась в том, чтобы жениться по стратегическим соображениям, а любовь искать на стороне. Иметь любовника или любовницу было делом обычным, будь ты знатным мужчиной или благородной дамой.

Осис III, предыдущий император, заранее озаботился выбором невесты для наследника престола, и в конечном итоге выбор пал на меня.

С юных лет я повсюду следовала за правящей императрицей, постигая обязанности, возложенные на хозяйку трона, и досконально изучая этикет императорского двора.

К счастью, кронпринц Совьешу и я ладили довольно неплохо и могли общаться как хорошие друзья. И это уже было немало, пускай мы и не питали друг к другу романтических чувств.

В конце концов, брак по расчёту – это когда вы, даже вцепившись друг другу в волосы в ожесточённой ссоре, по воле семьи обязаны расплыться в вымученной улыбке и идти под венец.

В свете всего этого мы с Совьешу могли считать себя весьма везучими. У нас было довольно много общего.

Аристократы, глядя на нас, радовались, словно мы были парой неразлучных птенцов, а мы с Совьешу, склонившись над одним столом, строили планы и обсуждали, какой будет страна, которую нам предстояло создать для будущих поколений.

Даже когда мы повзрослели и отец Совьешу уступил ему трон, даже после церемонии нашей коронации – мы сохранили весьма тёплые отношения.

Так продолжалось... года три.

Тот день был полон хлопот: все мысли были заняты подготовкой к празднованию Нового года.

Проведя целый день в совещаниях с чиновниками, я наконец вернулась в свои покои и сразу заметила, что мои фрейлины были явно не в духе.

– Что-то случилось? – поинтересовалась я, не скрывая беспокойства.

Те отвечали с явным раздражением:

– Ваше Величество, после охоты Его Величество Император привез с собой какую-то... чумазую девицу.

– И, кажется, она ему весьма приглянулась, раз он удостоил нас приказом отмыть её.

Мою свиту, как и подобает свите императрицы, составляли знатные леди из самых высокородных семей. Их руки касались воды лишь тогда, когда мне требовалось их служение. Для женщин, которые дома никогда не мылись без посторонней помощи, такой приказ был как гром среди ясного неба.

Однако во всей этой истории было нечто странное. Совьешу, который лучше кого бы то ни было знал о гордом нраве моих фрейлин, вдруг приказывает им обмывать какую-то девку, привезённую с охоты?

– Кто она такая?

– Никак не знаем, Ваше Величество. Она похожа на бродячую преступницу или рабыню.

– Говорят, она угодила в капкан.

– В капкан? – удивлённо переспросила я.

– Да. Его Величество Император увидел её лежащей с ногой, застрявшей в капкане, и приказал спасти...

Фрейлины, не договорив, принялись переглядываться между собой. Видно было, что это ещё не вся история, но они не решаются рассказать мне всё прямо.

– Всё в порядке, говорите, – мягко настояла я.

Одной из них пришлось продолжить:

– Несмотря на её жалкий вид, она была довольно миловидной. Нам так показалось ещё до того, как мы смыли с неё всю грязь. Но после того, как с мытьём было покончено... Она оказалась поистине красивой, Ваше Величество.

– Почти что не уступает самой герцогине Туании, а ведь та слывёт первой красавицей в свете.

Пожалуй, опасаясь задеть мои чувства, они тут же, словно сговорившись, поспешили добавить:

– Разумеется, о каком-либо сравнении с Вашим Императорским Величеством не может быть и речи!

Меня по праву называли красавицей. Однако с детства я была супругой кронпринца, а затем и императрицей – потому все склонны были оценивать меня сквозь призму моего статуса, неизменно преувеличивая достоинства. Так что определить, насколько я красива на самом деле, было весьма затруднительно. Посему обычно в подобных беседах меня исключали из списка сравнений.

Так вот, исключая меня, герцогиня Туания ныне была

признанной первой красавицей высшего общества. С тех пор как она дебютировала в семнадцать и вплоть до нынешних её сорока лет, звание «цветка высшего света» принадлежало ей неоспоримо.

И они говорят, что та... находка сравнима с ней? Это в самом деле прозвучало из уст моих высокомерных фрейлин? Выходит, особа, что была привезена Императором с охоты, и впрямь редкая красавица. Будь она просто недурна собой, вряд ли эти дамы стали бы так переживать и подбирать слова.

– Договаривайте. Полагаю, есть что-то ещё?

Я снова настояла, и одна из фрейлин, набравшись смелости, выложила всё как на духу:

– Дело в том... что Его Величеству она, кажется, при-
шлась весьма по душе.

Произнося эти слова, она, казалось, сама так ужасалась их значению, что даже лицо её побелело.

– По душе?

– После купания мы облачили её в платье одной из служанок со сходной фигурой, и как только она предстала перед взором Его Величества... он не смог сдержать восхищённого вздоха. И тут же принялся осыпать её вопросами: «Как ты умудрилась повредить ногу? Отчего ты так исхудала? Может, что-то болит? Цвет лица у тебя совсем нездоровый...»

– Разве это не обычная учтивость?

В ответ фрейлины вновь переглянулись и приняли смущённый вид.

– Ваше Величество, вы совсем юны и не вступали ещё в романтические отношения, потому вам, вероятно, невдомёк...

– Речь идёт о той особой атмосфере, что возникает между мужчиной и женщиной.

– Мы все – ваши преданные слуги. И посчитали, что лучше сказать правду, даже если вам будет неприятно это слышать.

– Мы были бы безмерно счастливы, если бы наши опасения оказались напрасными.

Среди моих фрейлин лишь леди Лора, которая проходила при дворе обучение этикету, была моей ровесницей. Все остальные были старше меня, а потому естественным образом превосходили меня мудростью и проницательностью в житейских вопросах.

– Понятно... – тихо пробормотала я, ощущая лёгкое смещение.

Даже если опасения моих фрейлин оправдаются и Император и впрямь вспыхивает интересом к этой прелестной добыче, что он себе прихватил, – как я должна поступить? Ворваться в его покои и потребовать эту находку себе? Или приказать выбросить её обратно в лес? А может, определить в служанки? На мгновение я почувствовала полную растерянность, не зная, какой реакции от меня ждут.

Главная фрейлина, графиня Элиза, осторожно предложила:

– Что, если вы, Ваше Величество, упомянете, что наслышаны о спасённой? Словно бы невзначай.

Другие фрейлины тут же подхватили эту мысль, советуя мимоходом поинтересоваться о ней:

– Может, она просто станет одной из дворцовых служанок, и только...

– Но на всякий случай...

Я кивнула и изобразила улыбку, сделав вид, что всё это – сущие пустяки.

– Хорошо. Благодарю вас за заботу. Его Величество всегда был столь сострадательным; уверена, он просто сжалился над бедняжкой.

Когда же начать с Императором разговор о спасённой женщине? Хорошенько поразмыслив, я решила, что сделаю это завтра за ужином.

Хотя мы и считались супругами, наши с Императором личные покои находились на противоположных концах дворцовой территории: в восточном и западном дворцах. Считалось, что такое расположение покоев символично: император и императрица совместно, с двух сторон, поддерживают государство. Однако этот символизм быстро забылся,

и теперь такое устройство стало идеальным прикрытием для того, чтобы супруги могли приглашать к себе фаворитов, не нарушая личного пространства друг друга.

Мы с Совьешу пока до этого не дошли, однако дел у каждого из нас было невпроворот, да и круг повседневных забот редко пересекался, поэтому чаще всего мы трапезничали и отходили ко сну порознь. Но дважды в неделю мы непременно ужинали вместе – и завтра как раз был такой день.

Верно. Если я явлюсь к нему сегодня и стану расспрашивать о подобранной на охоте девице, это будет смотреться откровенным вмешательством в его личные дела. Следует подождать день-два.

До сих пор помню наказ, что дала мне матушка накануне замужества:

– Если в будущем Его Высочество Совьешу заведёт себе любовницу, не смей лезть между ними.

– Но разве это правильно?

– Обратись к истории. Был ли хоть один император, обходившийся без фавориток? Даже Осис II, чьё правление называют золотым веком, официально содержал два десятка. Не трать на это нервы, Навье. В такой ситуации твоя задача – найти мужчину, который будет моложе, красивее и выносливее самого Совьешу. Понимаешь, о чём я? И сделать его своим фаворитом.

Простолюдин, услышав подобное, наверняка удивился бы такой драме, но в мире аристократии, где браки по расчёту –

норма, это было в порядке вещей.

Разумеется, право наследования и место в родовой книге получал лишь ребёнок, рождённый в законном браке. А уж храм без труда определял родство по крови: на это требовался всего лишь час.

Настоящие проблемы в среде знати возникали тогда, когда мужчина вдруг начинал испытывать чувства к собственной жене. Или когда жена осмеливалась полюбить своего мужа.

Именно тогда, когда одна сторона желала завести любовника, а вторая не могла смириться с этим, и разыгрывались самые трагические сцены. Именно этого, должно быть, и опасалась моя матушка.

Так что я последовала её совету и решила не спешить к Совьешу сегодня. Спрошу завтра за ужином. И даже если он действительно вознамерится сделать подобранную на охоте девку своей фавориткой... что ж, мне остаётся лишь сделать вид, что мне всё равно.

Я не была влюблена в него. И знала, что все живут именно так. И всё же, едва я подумала о том, что мой муж, возможно, заведёт себе другую женщину, я ощутила, как в сердце зародилась звенящая пустота.

Странно. Я протянула руку и прикоснулась к груди: сердце билось ровно и спокойно.

На следующий день слухи о «женщине-добыче» полетели по дворцу вдвое быстрее. Хотя в открытую мне о ней докладывала лишь моя свита, стоило присесть в тихом уголке, как отовсюду доносился навязчивый шёпот.

За обедом фрейлины, явно расстроенные, принялись ворчать:

– Говорят, та грязнуля – беглая рабыня. Видимо, в панике забрела в охотничьи угодья.

– А поскольку они граничат с владениями виконта Ротеша, скорее всего, сбежала она именно от него.

– Если она – беглянка, её следовало бы немедленно вернуть. Но поговаривают, будто Его Величество сжалился над ней и даже распорядился подыскать для неё прислугу.

Когда время стало приближаться к ужину, фрейлины принарядили меня с особой тщательностью.

Меня облачили в платье, усыпанное сверкающими серебряными камнями, а в уши вдели скромные жемчужные серьги. Весь процесс одевания сопровождался комплиментами, которыми меня осыпали, словно жемчугом.

Мои фрейлины всегда окружали меня заботой, но сегодня их предупредительность была нарочито подчёркнутой.

– Что бы там ни говорили о красоте той рабыни, разве

может она сравниться с Вашим Величеством?

– Увидев вас, Его Величество Император непременно прозреет.

Но все их слова утешения странным образом пролетали мимо моих ушей, не оседая в сердце, словно пустое эхо. Если бы пышные наряды и впрямь могли покорить его сердце, разве не стал бы Совьешу моим пленником с самой первой нашей встречи?

В голову лезли лишь пустые мысли. И хотя я понимала тщетность усилий моих фрейлин, я безропотно позволяла им делать своё дело.

Когда туалет был завершён, я проследовала в восточный дворец, где находились покои императора, и устроилась за столом, который был непозволительно огромен для нас двоих. Сначала разговор наш вертелся вокруг текущих государственных дел и приготовлений к Новогодним торжествам. Я ждала, что Совьешу сам заведёт речь о той беглой рабыне, но он сохранял обычное невозмутимое спокойствие. Сколько я ни ждала, он не обмолвился о ней ни словом.

И вот наконец когда в разговоре наступила пауза, пока он разрезал своё мясо, я не выдержала и, словно это был какой-то пустяк, небрежно обронила:

– Говорят, во время охоты вы выбрали какую-то беглую рабыню. Это правда?

Позвякивание ножа о тарелку стихло. Совьешу отложил приборы и устремил на меня испытующий взгляд. Он ка-

кое-то время молча вглядывался в меня, а затем спросил:

– И от кого же ты это слышала?

В его тоне не было и тени любезности. Скорее, в нём сквозили настороженность и что-то, от чего у меня всё похолодело внутри. Увидев, как сдвинулись его брови, я намеренно ответила уклончиво:

– Повсюду только об этом и говорят. Тяжело было не слышать.

– Наверняка это фрейлины твои разболтали.

– Не столь важно, от кого я это слышала. Скажите лучше, правда ли это?

Совьешу явно был раздосадован моими расспросами.

– Ваше Величество?

– Не торопи меня.

Мы помолчали, и он продолжил:

– Не знаю, чего ты там наслушалась, но я всего лишь оказал помощь раненой женщине.

Не беглая рабыня, а просто раненая женщина...

– Понятно. И где же теперь эта женщина?

– Императрица.

– Да?

– Это наш ужин, один из всего-навсего двух в неделю. Тем для беседы не счесть, и ты выбираешь именно эту?

В его холодном голосе звучало откровенное предостережение. Приказ не лезть в это дело.

Глава 2

Первые признаки измены

– А что не так с этой темой? Мой интерес вполне уместен, Ваше Величество. Как хозяйка дворца, я лишь осведомляюсь о женщине, которую вы, вернувшись с охоты, сочли нужным привезти с собой. Случай беспрецедентный.

Неужели я слишком настойчива? Я старалась говорить тем же ровным тоном, каким и всегда, даже позволила лёгкой улыбке тронуть губы. Я задала вопрос небрежно, словно продолжая разговор о праздновании Нового года, чтобы он не подумал, что я пытаюсь вмешаться или что-то подозреваю.

Но Совьешу явно выражал недовольство. И чем более явно – даже чрезмерно – он уклонялся от разговора о ней, тем более подозрительной становилась атмосфера.

– Ты действительно спрашиваешь из простого любопытства?

Совьешу уставился на меня с немым недоверием. Я на мгновение замерла, а затем парировала:

– Стала бы я спрашивать, не испытывай я любопытства?
– Эта женщина по неосторожности угодила в капкан, поставленный мной. Я счёл своим долгом оказать ей помощь. Поскольку её раны не опасны для жизни, я на время разме-

стил её в покоях рядом с моими и приставил служанку для присмотра.

– Понятно.

– Передай своим фрейлинам, чтобы не беспокоились: их к уходу за ней более не привлекут.

Отбарабанив свои объяснения, Совьешу вновь принял-ся разрезать стейк. Лязг ножа о фарфор отдавался в тишине просторной столовой оглушительным эхом. Император, утверждавший, что тем для беседы не счесть, более не произнёс ни слова.

– И что же ответил Его Величество?

Едва я переступила порог своих покоев в западном дворце, закончив ужин, который и ужином-то назвать было трудно, как фрейлины, столпившиеся у дверей, тут же окружили меня с тревожными расспросами. Хотя это было время их отдыха, они, похоже, дожидались меня, чтобы разузнать подробности.

– Он просто... почти ничего не сказал.

Мой уклончивый ответ заставил графиню Элизу сурово поднять брови. Казалось, она мне не верила.

– Тогда с чего бы Вашему Величеству возвращаться с та-

ким поникшим видом?

Я не удостоила её ответом.

– Не томите, Ваше Величество, поведайте нам. Только так мы сможем подготовиться к грядущему.

– Он сказал, что та женщина по неосторожности угодила в его же капкан. Ни слова о том, что она беглая рабыня...

Я вдруг осознала, что даже имени её не спросила.

– Он сказал, что помог ей из чувства долга, и был явно недоволен, что я вообще затронула эту тему.

Едва я закончила, Лора вскрикнула и в ярости топнула ногой.

Остальные фрейлины, более сдержанные, пытались остановить её красноречивыми взглядами, но Лора уже пылала таким негодованием, что попросту игнорировала их.

– Ваше Величество, мой отец вёл себя точно так же, когда только начинал ходить на сторону!

Когда Лора возбуждённо повысила голос, графиня Элиза строго окликнула её, но та только зубами заскрежетала от ярости и продолжила:

– Ну вот, теперь стало ясно. Яснее некуда! Первые признаки как на ладони: если задели за живое – сразу рубят с плеча и начинают кричать! Какое ещё «чувство долга»? Будь это просто «чувство долга», стал бы он так избегать разговора?

Фрейлины принялись отчитывать Лору за её несдержанность, однако опровергать её слова никто не торопился.

Видя моё уныние, графиня Элиза, в конце концов, ото-

слала остальных, усадила меня перед туалетным столиком и, достав гребень, принялась нежно расчёсывать мои волосы.

– Его Величество всегда был страстным охотником. Возможно, вид прекрасной молодой женщины в капкане просто пробудил в нём мимолётный азарт.

– Графиня.

– Да, Ваше Величество.

– Когда-то матушка говорила мне, что, если Император заведёт любовницу, это не должно меня ранить. Что случаев таких – великое множество, и наивно ожидать, что наш брак станет исключением.

Графиня Элиза сморщила лоб, словно мои слова привели её в замешательство. Она была одной из редких аристократок, заключивших брак по любви, и, как я слышала, до сих пор жила в полном согласии со своим графом. Для такой женщины, как она, совет моей матери, должно быть, казался бессмыслицей. Я продолжила:

– И потому, хоть я и не признавалась в этом другим дамам, я втайне готовлюсь к этому. Готовлюсь смириться, если Его Величество сделает ту рабыню своей фавориткой.

– Ваше Величество...

– Но он вдруг стал так холоден со мной, и эта холодность меня огорчает.

Графиня Элиза опустила гребень на туалетный столик. Я подняла на неё взгляд и спросила с предельной откровенностью:

– Если у Императора будет десять фавориток или даже сто – все они останутся фаворитками, а Императрицей буду я. Мы с ним никогда не испытывали страстной любви друг к другу... Кажется, всё должно быть в порядке. Так отчего же в сердце так пусто?

Графиня Элиза осторожно прижала мою голову к своему плечу и принялась нежно меня утешать. Я замерла в её объятиях, а спустя долгое время она медленно отстранилась и промолвила:

– Даже брак по расчёту – всё ещё брак. Вы были помолвлены с детства, вы – супруги. Естественно, вам неприятно. Вам было бы больно, если бы ваш собственный ребёнок привёл чужого человека и стал почитать его как родного родителя. Вы бы огорчились, если бы ваши родители усыновили кого-то и полюбили его больше, чем вас. Вы бы обиделись, если бы ваш самый близкий друг нашёл другого и заявил, что теперь будет дружить с ним теснее. Это совершенно естественное чувство, Ваше Величество.

– Скажите, а Его Величество почувствовал бы схожую пустоту, если бы я привела другого мужчину?

Графиня Элиза лишь вновь подняла гребень и принялась расчёсывать мои волосы, и в её молчании я прочла ответ: «Нет».

Выдержав долгую паузу, графиня наконец продолжила:

– Честно говоря, я не знаю, Ваше Величество. Мимолётная страсть порой бывает столь ослепительна, что не остав-

ляет сил оглядеться по сторонам.

Выходит, мне придётся самой справляться со своими чувствами. Я улыбнулась через силу.

– Понятно. Что ж, думаю, моя тоска скоро рассеется. Вряд ли мы с этой женщиной будем встречаться...

– Разумеется. Даже если та рабыня и станет фавориткой, её низкое происхождение не позволит ей появляться ни в рабочих кабинетах, ни в светских гостиных.

Это не значило, что у рабов вовсе не было возможности подняться по социальной лестнице, но выпадал этот редкий шанс лишь тем честным людям, что были обращены в рабство из-за преступлений родни. Ежегодно государство восстанавливало в правах определённое число рабов, возвращая им статус простолюдинов, но беглых рабов это никогда не касалось. Ведь сам факт рабства означал, что ты или твои предки совершили преступление, караемое пожизненным заключением. А беглый раб – это тот, кто избежал расплаты. Он приравнивался к сбежавшему узнику, к вине которого добавлялось ещё и дерзкое неповиновение.

Именно поэтому клеймо беглой рабыни было худшим из всех в аристократическом обществе.

Даже если она так приглянулась Совьешу, что он сделает её своей фавориткой, ей никогда не войти в высший свет. А значит, и столкнуться с ней мне не суждено.

Я кивнула, стараясь обрести душевное равновесие. Да, графиня Элиза права. Вполне естественно испытывать по-

трясение и пустоту, когда человек, бывший твоим женихом, а затем и мужем, вдруг заводит любовницу. Но я не позволю этим чувствам укорениться и разрастись.

Та женщина – это та женщина. Император – это Император. А я – это я. На этом всё.

Ведь, в конце концов, у Восточной империи одна императрица, и это я.

– Говорят, что Его Императорское Величество каждый день навещает ту рабыню?

– Я слышала, будто и еду собственноручно ей подносит.

– Уму непостижимо. Как такой скупой на чувства человек мог... Удивительно.

– Говорят, даже придворного лекаря вызвал, чтобы ногу ей лечил.

Шёпот гулял меж зарослей. В императорском саду возвышались зелёные стены – цветущие живые изгороди выше человеческого роста, – и голоса долетали как раз из-за них.

Этот уголок сада я обустроивала сама. Подальше от посторонних глаз, в закутке, куда обычно не заглядывали другие, я велела поставить качели с высокой спинкой, напоминающие формой гнездо. Это было моё личное убежище. Сюда я

не брала даже фрейлин, так что, не подозревая о моём присутствии, люди позволяли себе такие разговоры.

«Прошло уже недели полторы, наверное...»

Я закрыла книгу и опустила её на колени. Похоже, Совьешу проявлял к той рабыне всё больше интереса, и теперь разговоры об этом можно было подслушать где угодно. Все с любопытством наблюдали за первой женщиной, вызвавшей интерес у молодого императора. Одно радовало: как я и предполагала, нам не приходилось сталкиваться. На следующей совместной трапезе с Императором я намеренно не заговаривала о ней, а Совьешу, словно ничего не произошло, обсуждал подготовку к Новогодним торжествам и предстоящие аудиенции. Я решила, что пойду на компромисс и ограничусь этим.

Безразличие. Притворное неведение. Деланая глухота.

Однако судьба распорядилась иначе и столкнула нас с ней там, где я ожидала меньше всего.

Тот день выдался до крайности насыщенным: подготовка к Новогодним торжествам затянулась далеко за пределы положенного времени, и мы всё ещё заседали в совещательном зале. От долгих речей в горле першило. Чтобы развеять тягостное настроение, я выпила чашку тёплой воды и отправилась на прогулку в сад у главного дворца. Со мной была лишь заместительница командира императорской стражи рыцарь Артина.

Мы как раз обсуждали, кого стоит представить к награде на предстоящей церемонии, когда откуда-то донёсся шёпот: – Это та самая?..

Я обернулась и увидела женщину в инвалидной коляске в сопровождении двух служанок. Встретившись со мной взглядом, сидевшая в коляске молодая женщина вздрогнула и попыталась подняться. Служанки испуганно воскликнули: «Вам нельзя!» – и бросились удерживать её, но, встретив мой взор, нерешительно опустили руки.

А незнакомка ухватила за подлокотники, неуверенно поднялась на задрожавших от напряжения руках и склонилась в почтительном поклоне.

Её лицо было мне совершенно незнакомо.

Мне на мгновение пришло в голову: не та ли это самая рабыня, что была подобрана Императором? Но мы находились в саду у главного дворца – это было не место для фаворитки. Разве что если бы та обладала высоким постом и обязанностями, требующими её присутствия здесь, но в данном случае это было совершенно исключено.

И всё же, несмотря на больную ногу, она поднялась, чтобы проявить вежливость, и игнорировать этот жест не было никакого смысла. Я кивком приняла её приветствие и уже собралась продолжить прогулку, как вдруг сзади раздался оклик:

– Э-э-э... Эй!

«Эй»?

Неужели это мне? С тех пор как я стала Императрицей, ко мне ещё ни разу не обращались «Эй».

Поражённая такой бесцеремонностью, я обернулась и увидела, как та самая женщина в коляске, с трудом вращая большие колёса и пыхтя от натуги, приближается ко мне. Служанки в панике умоляли её: «Леди Рашта, давайте просто уйдём!» – но та и ухом не вела.

Неужели ей что-то нужно от меня? Но если это так, она, должно быть, знает, что я – Императрица, так как она могла обратиться ко мне «Эй»?

Я наблюдала за ней, скрывая своё недоумение, пока эта женщина не оказалась совсем близко, склоняясь в очередном поклоне.

– Я Рашта.

И что с того?

– Значит... Рашта.

Подумав, что, возможно, она просто хотела, чтобы я назвала её по имени, я сделала это, и в ответ она одарила меня сияющей улыбкой. Неужели она и впрямь добивалась только этого? Мне стало любопытно, но не настолько, чтобы задавать вопросы о её побуждениях. Время, отведённое для аудиенций, давно истекло, и я уже три часа подряд ломала голову над проблемами незнакомцев. Будь у неё срочное дело, она бы сразу начала изливать свою просьбу, а раз уж она способна так сиять – ничего неотложного, видимо, не случилось.

Решив, что больше нам нечего сказать друг другу, я снова повернулась, чтобы уйти.

Но едва я повернулась, Рашта протянула руку и ухватила меня за платье. Фрейлины, что до этого лишь глазели на неё, словно на обезьянку в зверинце, в ужасе отбросили её руки прочь.

– Какое бесстыдство!

– Да как ты смеешь!

Рашта, испуганно отдёргнув руку, залепетала:

– Про... простите! Я хотела вас окликнуть, но не знала, как обратиться, поэтому и...

Неужели эта девчонка и впрямь не знает, что я императрица? Но ведь всего мгновение назад она шепталась со служанками – «Та самая?» – разве это не означало, что она знала, кто я?

Пока я размышляла об этом, Лора гневно воскликнула:

– Пред тобой Её Императорское Величество, Императрица Восточной империи! Соблюдай приличия!

Рашта широко раскрыла глаза и пробормотала:

– Что? Нет, дело не в этом... Я знаю, что передо мной Императрица.

Знает, что я Императрица? Её странные слова заставили меня нахмуриться. Рашта же, смущённо поглядывая на меня, повторила:

– Я... я Рашта.

И что мне с того, что ты Рашта? И фрейлины, и я сама

пребывали в полном недоумении.

Разве она из тех, чьи имена мы обязаны знать?

Я мысленно перебрала знатных иностранок, подходящих по возрасту, которые находились сейчас в Восточной империи. Однако не всех высокопоставленных особ принимаю лично я.

По установленному порядку чётко определено, кого принимаю я, кого – министры иностранных дел, а кого – лично Совьешу... Среди тех, кого принимала я, этой особы не было. Среди тех, кого принимали Совьешу или министры, имени «Рашта» также не значилось. Значит, всё же не знатная гостья. Будь она дочерью аристократа, пусть не я, но хотя бы кто-то из моей свиты наверняка узнал бы её, а по виду моих фрейлин было ясно, что и для них это имя ничего не значит.

В конце концов я прямо задала вопрос:

– Мы знакомы?

Рашта удивлённо переспросила:

– Вы... не знаете Рашту?

– Нет.

– А-а...

Мой ответ явно смутил её. Она растерянно посмотрела на служанок и тихонько шепнула им:

– Что же делать?

Разумеется, я всё отчётливо слышала.

Меня охватила усталость. Зачем вообще я трачу время на разговор непонятно с кем? Я собралась было просто развер-

нуться и уйти, но Рашта снова заговорила:

– Я... пользуюсь милостью Его Величества и временно живу в восточном дворце.

Милость Совьешу? Восточный дворец, травмированная нога, женщина. Ах, вот оно что.

– Так ты – та рабыня?

Но почему тогда эта женщина находится у главного дворца? Я не успела спросить: лицо Рашты приобрело землистый оттенок.

Одна из служанок поспешила вмешаться и поправить меня:

– Ваше Величество, простите за дерзость, но леди Рашта – не рабыня.

Не рабыня? Но мои фрейлины говорили иначе! Будь это просто слухом, они обязательно добавили бы, что не знают, можно ли доверять этим сведениям, – но ничего такого не было. Однако раз уж сама она отрицает, не стоит об этом допытываться.

Главное, что я никак не ожидала увидеть лицо этой рабыни – ах да, простите, «не-рабыни», – которую подобрал Совьешу, при таких обстоятельствах. Я не придавала значения слухам, но теперь, глядя на неё и вспоминая все эти разговоры, приходилось признать: она и вправду была так прекрасна, как о том говорили.

Её красота была не того порядка, что у герцогини Туании, – не столь ослепительная, утончённая и величествен-

ная. Скорее, в Раште было что-то хрупкое, мягкое и трогательное.

Можно ли найти более точное воплощение «прекрасной добычи, попавшей в капкан»? Даже когда она улыбалась, её большие бездонные глаза пробуждали желание оберегать её – и в этом была её особая притягательность. Волосы цвета лунного серебра лишь усиливали её неземное, девственное очарование.

Но погодите... Мои фрейлины же купали её – как они её не узнали? Я оглянулась и заметила, что некоторые из них отсутствовали – как раз те, кого по воле случая привлекали к «отмыванию» Рашты.

– Так... Теперь я понимаю, кто вы.

Рашта воодушевлённо улыбнулась, едва я кивнула.

– Какое облегчение! Честно говоря, я всё думала, когда же мне следует представиться вам официально.

– Представиться?

– Я спрашивала Его Величество, но он лишь твердил, что-

бы я не беспокоилась об этом... Но раз уж нам предстоит встречаться и впредь, я должна была выразить вам своё почтение.

Впредь? Нам? Почему?

— А как мне следует обращаться к вам, Ваше Величество?

— Называй меня «Ваше Величество Императрица». Этого будет достаточно.

И я всё ещё не понимала, зачем я веду эту бессмысленную беседу с этой женщиной, словно мы закадычные подружки. Устав от всего этого, я повернулась, чтобы уйти, но Рашта снова запыхтела, вращая колёса в мою сторону. Фрейлины, заметившие моё раздражение, ухватились за ручки её коляски и слегка откатали её назад.

— Не стоит приближаться.

— Как ты смеешь вести себя так фамильярно?

Лора, когда коляску откатали, с отвращением отряхнула руки, будто стряхивая нечто нечистое.

— Какая мерзость.

И в этот самый миг раздался ледяной голос:

— Разве можно называть человека «мерзостью»?

В сопровождении стражников к нам приближался Совету.

Глава 3

Всё познаётся в сравнении

Итак, получается, что мы попались на оскорблении женщины, которой благоволит Император. Превосходно.

Все мои фрейлины поспешно подхватили края своих юбок и отвесили учтивый поклон Совьешу, но он, игнорируя их приветствия, устремил ледяной взгляд на Лору, а затем перевёл его на меня. Поскольку мы уже сталкивались с ним сегодня в главном дворце, я не стала кланяться снова и молча встретила его взгляд. Совьешу вновь посмотрел на Лору, а затем – на Рашту.

– Вот так да, – жалостливо произнёс он.

Рашта казалась напуганной, её широко распахнутые глаза покраснели, будто она была готова расплакаться.

– Не плачь, – попытался утешить её Совьешу.

Но от этих слов слёзы градом покатались по её щекам.

– Я сказал, не плачь, – настойчиво повторил Совьешу, ожидая, что она вот-вот успокоится, но Рашта не послушала его, продолжая рыдать.

Казалось, знаменитая ледяная сдержанность императора, о которой судачил весь свет, нисколько не пугала эту женщину, зато она всё время искоса поглядывала на меня.

Как он её ни успокаивал, Рашта не умолкала, и тогда, к

огромному удивлению всех присутствующих, он достал из-за пазухи расшитый золотом носовой платок и протянул ей. Но даже с платком в руках она не переставала рыдать, и он, тяжело вздохнув, собственноручно вытер ей слёзы.

– С тобой, я вижу, хлопот не оберёшься.

В его упрёке сквозила неподдельная забота. Пустота, поселившаяся в сердце, вновь напомнила о себе. Это естественно – испытывать такие чувства. Совершенно естественно. Я мысленно повторяла слова графини Элизы, развернулась и знаком велела фрейлинам следовать за мной.

– Пойдёмте. У меня уже ноги болят.

Я не в силах помешать Совьешу завести фаворитку, но по крайней мере могу избавить себя от лицезрения этой сцены.

Фрейлины тут же ринулись за мной, словно и сами были рады прервать эту неожиданную встречу.

– погоди. Остановись.

Совьешу окликнул меня, не успела я сделать и пары шагов. Сначала Рашта цеплялась за меня, теперь вот он. Я нахмурилась и обернулась. Совьешу взглядом указал на Лору:

– Пусть эта фрейлина останется.

– В чём дело, Ваше Величество?

– Оставь её здесь.

– Она моя фрейлина. Вы прежде всего должны объяснить, в чём причина вашего повеления.

Лицо Лоры сделалось белым как снег. Я же почувствовала, как в груди похолодело. Неужели он решил наказать

её за те слова, что она бросила Раште? Произнесённые ею слова трудно назвать приличествующими случаю, но Лора – моя фрейлина, дочь знатного рода. В то время как Рашта, пусть ею и заинтересовался Император, пусть даже он делает её своей фавориткой, – не имеет аристократического происхождения. Более того, всё ещё высока вероятность, что она – беглая рабыня.

Если Совьешу накажет Лору здесь и сейчас, это будет равносильно публичному унижению её во всём высшем свете. А вместе с ней он унизит и меня – Императрицу.

Я уставилась на него. Совьешу перевёл взгляд на Лору и изрёк:

– Она – твоя фрейлина, но также и моя подданная. И она позволила себе столь недостойное обращение к человеку.

– И я безусловно отчитаю её за это – самостоятельно.

– Исправится ли её манера называть людей «мерзостью», если её просто отчитать? Сомневаюсь, – отрезал Совьешу, а затем кивком указал стражнику на Лору: – Три дня карцера. Хлеб и вода.

Фрейлины вскрикнули от ужаса. Лицо Лоры побелело.

– Ваше Величество, это чрезмерно суровое наказание, – попыталась я вступить за фрейлину.

Совьешу лишь бросил на меня холодный взгляд и возразил:

– Она назвала человека – да ещё и того, кто с трудом передвигается, – «мерзостью» и оттолкнула её коляску. А ты

говоришь, что наказание «чрезмерно»? – Я промолчала, и он, разглядев упрямое несогласие в моём лице, продолжил: – Впрочем, ты, Императрица, просто стояла и наблюдала. Для тебя, возможно, это и впрямь не выходит за рамки.

– Эта женщина раз за разом пыталась ухватиться за моё платье, и служанки просто остановили её.

Но выражение лица Совьешу стало лишь суровее.

– Она стоит прямо перед тобой, и ты зовёшь её «эта женщина»?

– Ваше Величество.

– И что страшного в том, если она схватила тебя за платье? Неужели твоё платье драгоценнее человеческих рук?

– Тогда я прикажу слуге ухватиться за полу вашей мантии, Ваше Величество. Раз ваша мантия не драгоценнее человеческих рук, вы ведь не возразите?

Совьешу приподнял бровь и коротко усмехнулся:

– А ты, я смотрю, необычайно остра на язык. Неужели ты считаешь эти ситуации схожими?

– А разве нет?

– Отнюдь.

– В чём же разница?

– Рашта – не служанка.

Мне страстно захотелось спросить, не хочет ли он тогда, чтобы в своём примере я заменила слугу на собственного любовника. Спросить, станет ли он улыбаться и вопрошать «в чём дело», если мой фаворит схватит его за плечо. Но,

прежде чем я успела что-то возразить, Совьешу произнёс:

– Приговор фрейлине Императрицы – пять дней заключения.

Он увеличил наказание для Лоры ещё на два дня. Он ясно дал мне понять: чем больше я буду спорить, тем суровее станет её участь. Я видела, как Рашта за его спиной широко раскрытыми глазами смотрит на его затылок, словно взирая на великого героя.

Слова протеста рвались из моего горла, но даже Императрица не могла отменить прямое повеление Императора. Чтобы оспорить приговор Лоре, потребовалось бы созывать судебную палату, но к тому моменту, как закончились бы все разбирательства, она уже отбыла бы своё наказание. В сложившихся обстоятельствах я была совершенно бессильна.

– Я приму наказание, Ваше Величество, – обратилась ко мне Лора.

Видимо, опасаясь, что я окончательно рассорюсь с Совьешу, она поспешно выступила вперёд. Хотя её лицо пылало от стыда, она всё равно заботилась обо мне, и я почувствовала, как ярость подступает к самому горлу.

– Можешь идти. – Дозволение Совьешу прозвучало как приказ.

Вместо того чтобы спросить свою фаворитку, что она делает у главного дворца, Совьешу велел удалиться мне – той, что работала не покладая рук весь день. Он никогда не был нежным влюблённым, но прежде оставался мне добрым дру-

гом. Теперь и этого между нами не стало.

Стиснув зубы, я развернулась и покинула это место. Теперь я, кажется, начала понимать, почему матушка советовала мне держаться подальше от его любовниц и ни в коем случае не принимать это всё близко к сердцу.

Инцидент с наказанием Лоры взволновал весь дворец. Все шептались, что, наказав мою фрейлину, Император публично продемонстрировал своё благоволение к Раште. И это означало, что Рашта одержала первую победу в нашем с ней негласном противостоянии.

Я не слышала этих разговоров сама, но взбешённые фрейлины то и дело доносили их до меня.

– Я должна была оказаться там! – яростно твердила та самая фрейлина, что участвовала в мытье Рашты. Она была уверена, что, будь она тогда рядом, увела бы меня прочь прежде, чем мы успели бы столкнуться с этой беглой рабыней.

– Но, выходит, Императору и впрямь настолько приглянулась эта особа.

– Это просто невероятно! Он всегда так уважал Ваше Величество, а на этот раз не пожелал слушать даже вас.

За их гневом явно сквозила тревога о том, что ждёт нас всех впереди.

– И это после всего нескольких дней знакомства! Боюсь подумать, что будет дальше.

В этой ситуации я не могла ничего сделать. Когда мы с Совьешу сталкивались в главном дворце, мы оба вели себя так, словно между нами ничего не произошло.

Я до отказа заполнила свои дни заботами, пытаясь усилием воли стереть тот день из памяти. В минуты одиночества меня преследовал ледяной взгляд Совьешу, от которого сжималось сердце, но работа помогала отвлечься.

И вот, спустя пять долгих дней, наказание Лоры наконец закончилось. Я сама поднялась в башню, чтобы проводить её вниз. Попросив фрейлин помочь ей привести себя в порядок в моих личных покоях, я велела подать ей бульон, чтобы она могла подкрепиться.

Как раз в тот момент, когда я распорядилась испечь любимый торт Лоры, явился секретарь от Совьешу и, почтительно кланяясь, передал повеление Императора:

– Прошу прощения, Ваше Величество, но Его Величество Император приказал сопровождать вас к нему.

– Меня?

– Так точно.

С чего бы это? Я кивнула и обратилась к графине Элизе:

– Пусть Лора полакомится тортом, когда он будет готов. А затем отправьте её домой, в поместье маркиза – пусть как

следует отдохнуть там несколько дней.

– Слушаюсь, Ваше Величество.

Я дала знак секретарю, и тот зашагал впереди меня. По мере приближения к восточному дворцу, атмосфера ощути-мо переменилась: хоть он и был частью архитектурного ансамбля, мы обустроивали свои дворцы по своему вкусу, и предпочтения наши разнились.

Я с тревогой размышляла, не придётся ли мне вновь столкнуться здесь с Раштой, но на пути в покои Совьешу мы её не повстречали. Сам Император сидел за небольшим круглым столом.

– Вы посылали за мной.

Я приблизилась, и Совьешу какое-то время молча смотрел на меня.

В его взгляде читалось множество невысказанных слов.

– Что случилось? – спросила я, побуждая его к разговору.

Совьешу на мгновение заколебался, а затем нахмурился.

– Твоя фрейлина... Та, что была под арестом...

– Лора. Дочь маркиза Тариталья.

– Мне доложили, что ты забрала эту фрейлину к себе.

– Она моя фрейлина. И пять долгих дней она страдала в заточении.

Похоже, Совьешу был недоволен. Он нахмурился ещё сильнее:

– Была ли в этом необходимость?

– Вы спрашиваете, должна ли я была позаботиться о фрейлине, наказанной вами?

– Потрясающая сообразительность, – с сарказмом проворчал Совьешу. – Ты прекрасно знаешь, о чём я спрашиваю. Выходит, ты лично забрала и опекала эту фрейлину, зная, что мне это не понравится? Не так ли?

И да, и нет. Я допускала, что Совьешу это не понравится... Но ведь прошло уже пять дней, и я надеялась, что его гнев немного утих. Я также рассчитывала, что, остыв, он поймёт, что наказание Лоры в этот раз вышло далеко за обычные рамки. Видимо, я ошиблась.

– Мысль о том, что это может вызвать ваше неудовольствие, действительно приходила мне в голову.

– И ты всё равно позаботилась о ней? Если бы ты хоть сколько-нибудь подумала обо мне, ты немедленно отослала бы её прочь. Кем ты меня представляешь, опекая ту, кого я наказал?

– Было бы неправильно изгнать девушку, пострадавшую из-за преданности мне. К тому же она держалась в рамках

здорового смысла.

– Называть кого-то «мерзостью» – это в рамках здравого смысла?

– Эти слова были брошены в попытке высвободиться от человека, который цеплялся за мою одежду так сильно, что привёл меня в замешательство. Отчитать её было бы вполне достаточно.

С каждым моим возражением лицо Совьешу становилось всё суровее.

– Итак. Ты намерена держать эту фрейлину при себе до конца?

– Решение о том, кого назначать моей фрейлиной, всецело находится в моей власти.

Даже если бы Лора, испугавшись дворцовых нравов, захотела покинуть свою должность, я намерена была оставить её при себе на некоторое время. Самого факта, что её наказали из-за потенциальной фаворитки Императора, которую к тому же называют беглой рабыней, уже достаточно, чтобы сделать её посмешищем в высшем свете. Если я отпущу её сейчас, все решат, что она лишилась не только милости Императора, но и моей защиты, и она станет мишенью для насмешек. Пусть даже будут шептаться, что простая фаворитка затмила Императрицу, я остаюсь Императрицей Восточной империи. И я в силах оправдать свой титул, защитив Лору.

Совьешу пристально посмотрел на меня, тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Устал я от этих словесных баталий с тобой, Императрица. Неужели ты не можешь хоть раз просто покорно согласиться с моими словами?

– Императрица – не та, кто должен слепо следовать воле Императора.

– Именно потому, что ты всегда ведёшь себя так, невольно напрашиваются сравнения.

Сравнения?... С кем?

Я уставилась на него, и Совьешу, словно спохватившись, изрёк:

– Я устал. Можешь идти. Ступай и опекай ту невоспитанную строптивницу.

Императрица Навье удалилась, и Совьешу с тяжёлым вздохом дёрнул за шнур небольшого колокольчика, стоявшего на столе. Почти сразу же дверь отворилась. Однако вошёл не слуга, а Рашта.

– С каких это пор ты взяла на себя обязанности слуги?

Когда Совьешу удивлённо уставился на неё, Рашта смущённо улыбнулась:

– Мне было тяжело и дальше сидеть без дела.

– И ты решила стать служанкой?

Рашта радостно развела руками, и Совьешу невольно усмехнулся.

– Да ты и ходить-то самостоятельно не можешь, а уже за прислуживание взялась.

К тому же должность камердинера при Императоре считалась среди знати величайшей честью, о которой мечтали даже титулованные аристократы без определённой должности. А она вызвалась прислуживать Императору просто потому, что её тяготило безделье. Присутствуй при этом кто-то из знати, её вытолкали бы вон за такое непочтительное поведение, но Рашта просто не знала об этих тонкостях.

Совьешу, которому это показалось занятным, фыркнул:

– Ты забавная.

Он не отличался страстным нравом, и потому в его жизни до сих пор были лишь две женщины: его матушка – предыдущая императрица и Навье – императрица нынешняя. Он привык к ним, с детства воспитанным для роли правительниц, и даже изучал некоторые аспекты государственного управления вместе с Навье. И теперь находил неловкую во всём Рашту необычной.

– Подойди, перекуси.

Совьешу снова позвонил в колокольчик, и камердинер, беспокойно ожидавший у двери, тут же вошёл.

– Тыквенный пирог. Очень сладкий. И принеси вина. Лёгкого.

Едва слуга вышел, Рашта радостно вскрикнула: «Тыквен-

ный пирог!» – и хлопнула в ладоши.

– И ты так радуешься из-за простой еды?

– Разве это «простая еда»? Столько людей в жизни не про-
бовали и кусочка тыквенного пирога!

Пока Рашта, беззаботно смеясь, радовалась как ребёнок,
Совьешу пристально наблюдал за ней.

– Императрица даже самые редкие драгоценности принима-
ет весьма сдержанно. А тебя радуют такие мелочи – это
необычно.

– Неужели Императрица не радуется украшениям?

– Радует, конечно. И благодарит. Но она от природы
сдержанна в проявлении любых чувств.

Рашта слегка нахмурила лоб и тяжело вздохнула:

– Императрица выросла в роскоши и не знает, что такое
нужда. Для неё получить любое украшение – само собой ра-
зумеющееся.

– Хм?

– Я не говорю, что с ней что-то не так! Просто... те, кто
живёт в достатке, всегда такие. Вот и вы, Ваше Величество,
наверное, даже получив в подарок огромный алмаз, остане-
тесь равнодушны...

– Что ж, верно подмечено. Надо же. Моя добыча оказалась
куда сообразительнее, чем я думал.

Совьешу кивнул, и его похвала – сложно сказать: шутли-
вая или искренняя – заставила Рашту покраснеть и надуть
губки.

– Ах! Вечно вы про «добычу».

– Раз угодила в мой капкан, значит, ты – моя добыча.

– Ваше Величество... – позвала Рашта, внезапно сменив игривый тон на робкий.

Совьешу кивком дал ей понять, чтобы она продолжала. Она переплела пальцы, поёрзала на месте и, наконец, осторожно спросила:

– Вы ведь сказали, что сделаете Рашту своей фавориткой...

– Так и есть.

– Но Императрица, кажется, всё ещё ничего об этом не знает...

Совьешу мягко улыбнулся, и в его голосе зазвучали успокаивающие нотки.

– Нам некуда торопиться. Твоя нога ещё не зажила, не так ли?

– Дело не в нетерпении, просто... Встретив Императрицу, я оказалась в затруднении, не зная, как лучше представиться. И, думаю, это было не в последний раз...

Глава 4

Фаворитка Императора, подарок Императрицы

– Его Величество Император всё-таки назначает ту особу фавориткой!

То утро было таким же, как и любое другое. День не был пасмурным, не шёл дождь, не было ни холоднее, ни жарче, чем обычно. Погода была в точности такой, как вчера, как позавчера, как и всю неделю до этого. Необычные новости всегда врываются в жизнь именно в такие обычные, ничем не примечательные дни.

– Её Величество с утра до ночи занята: и Новогодние торжества, и приёмы, и аудиенции. А Император завёл фаворитку. Уму непостижимо!

– Это слишком жестоко.

– Он мог бы подождать по крайней мере до окончания Новогодних торжеств.

Фрейлины обиженно ворчали.

Я рассеянно смотрела на своё отражение в зеркале и молчала. Я ведь заранее готовила себя к тому, что Совьешу сделает ту женщину своей фавориткой... Но я не думала, что это случится так скоро. Судя по срокам, вскоре после этого назначения начнутся Новогодние торжества.

– Ах...

Из самой глубины души вырвался тяжёлый, глубокий вздох.

Одна лишь мысль о том, что во время празднества все будут толпиться вокруг меня с этими разговорами, вызывала дурноту. Даже если никто не подойдёт, я всё равно буду слышать этот навязчивый шёпот у себя за спиной. Но, занимая положение, обязывающее меня ведать всеми дворцовыми делами, я не могла – как бы того ни желала – просто сделать вид, что не замечаю того, как Совьешу назначает эту женщину своей фавориткой.

– Когда назначение?

Услышав мой вопрос, фрейлины переглянулись. От их имени ответила графиня Элиза:

– Ходят слухи, что её примут при дворе в ближайшее время. Вероятно, Его Величество желает завершить всё до начала Новогодних торжеств.

Как и предсказывала графиня Элиза, вскоре после полудня ко мне явился личный секретарь Совьешу. Избегая моего взгляда, он завёл речь о деле с фавориткой, а затем, с ещё более неловким выражением лица, добавил:

– Его Величество полагает, что, ввиду чрезвычайной занятости и присутствия в календаре иных масштабных мероприятий, церемонию следует провести по возможности... упрощённо.

– Упрощённо?

Фаворитка императора не причисляется к членам императорской семьи. Даже родив, она не сможет сделать своего ребёнка принцем или принцессой. Для таких незаконнорождённых отпрысков наивысшей удачей считается, снискав милость, получить титул эрцгерцога или герцога, лишённого права наследования. Вот и всё, чего они могут достигнуть.

Однако даже это не отменяло вероятности того, что она родит императору ребёнка. Потому после назначения фаворитки, хоть и не справляют свадьбу, но по обычаю устраивают небольшой приём. Будущая фаворитка играет там роль хозяйки бала, а позже ставит подпись на документах, заверенных канцлером.

– Приказ означает провести приём скромно или вовсе его отменить?

– Поскольку сроки короткие, а собирать гостей на продолжительное празднество сложно, решено отменить приём.

– Если приёма не будет, остаётся ли что-то, что должна сделать я?

– Нет, Ваше Величество. Его Величество изволил сказать, что вам не стоит ни о чём беспокоиться касательно этого дела.

Насколько мне известно, случаи отмены приёма не были редкостью, но даже тогда помещение, где будет представлена новая фаворитка, украшают, чтобы она могла там трапезничать с императором, пригласить близких и подписать контракт.

Но вовсе не беспокоиться? Что это: вопрос самолюбия Совьешу или проявление заботы?

– Передайте ему, что я поняла.

Для меня это было даже к лучшему. Секретарь поклонился и удалился. Чиновники, не отрываясь от работы, украдкой поглядывали в мою сторону, но стоило мне окинуть их холодным взглядом, как они тут же уткнулись в бумаги, делая вид, что усердно трудятся.

Нельзя показывать и тени слабости.

Если я покажу, что меня ранит наличие у Совьешу любовницы, все начнут шептаться и жалеть меня. Мне не хотелось, чтобы это выглядело так, будто жизнь кончена оттого, что Император полюбил другую.

С напускным безразличием и холодностью на лице я вновь погрузилась в изучение документов, указывая необходимые правки.

– Затем канцлер подаст заверенные им документы, и первым подпишет Его Величество. Вы увидите ниже тонкую чёрную линию – распишитесь над ней.

Обучение Рашты было поручено одному из императорских секретарей, барону Ланту. Когда он, обрисовав в общих чертах процедуру, закончил объяснение, Рашта широко раскрыла глаза и издала звук, несвойственный аристократкам её возраста.

Барон Лант смущённо уставился на неё, а Рашта жалобно скривила губы.

– Я... Рашта поняла, что вы имеете в виду, но... У меня нет подписи.

– Так создайте её.

От такого прямого ответа лицо Рашты залилось румянцем, и барон мгновенно понял причину её смущения.

– Возможно, вы не обучены грамоте?

Когда барона приставили к Раште, Император представил

её как простолюдинку. Поэтому барон вёл объяснения, предполагая, что она получила базовое образование. Если же слухи о том, что эта прелестная добыча, осыпанная милостями Императора, на самом деле – беглая рабыня, были правдой, то её неграмотность была объяснима: никто не утруждается тем, чтобы обучать рабов чтению и письму. Вероятно, представляя её простолюдинкой, Император надеялся скрыть её истинный статус.

– Ну что ж, это не страшно. – Барон Лант сделал вид, что не замечает смущения Рашты.

Пусть обучить её грамоте за несколько дней было невозможно, но поставить подпись на документах она могла научиться довольно быстро. Так что барон достал чистый лист бумаги и с улыбкой продолжил:

– Похоже, вы не знаете, как пишется ваше имя по буквам... В таком случае я напишу несколько схожих по звучанию вариантов. Выберите один и запомните его.

К счастью, Рашта оказалась не лишена сообразительности и быстро выучила буквы своего имени. Барон Лант был приятно удивлён: рабы, как правило, были необучаемы. Вот он и переживал, что если она и впрямь рабыня, то процесс затянется.

– Всё правильно?

– Превосходно.

Похвалив сияющую от счастья Рашту, барон Лант перешёл к объяснению стандартной процедуры заключения кон-

тракта.

– Устраивается пышный приём, на который приглашают знать. Госпожа Рашта также сможет пригласить любое количество родных и близких.

– Ух ты!

– После празднества канцлер подаст документ, и вам останется лишь поставить на нём подпись.

– А контракт...

– Его будет хранить канцлер.

Рашта тихо вскрикнула и запрыгала от восторга. Барон Лант смотрел на неё, думая, как мила её искренняя радость, и тут же сообщил ещё один факт:

– Это не обязанность, но...

– Но?

– Императрицы иногда преподносят подарки фавориткам Его Величества при заключении контракта.

– Подарки?

– Поскольку хозяйкой дворца является именно императрица, с позиции хозяйки она вручает дар той, кому предстоит поселиться здесь. Это означает признание и уважение не только со стороны императора, но и лично от императрицы. Если фавориток несколько, то ту из них, кого императрица удостоит подарком, принято считать занимающей самое высокое положение.

Рашта спросила без особой уверенности:

– А Императрица... и мне подарит подарок?

– Я не стану ей ничего дарить.

Услышав мой ответ, фрейлины обрадованно переглянулись.

– Какое облегчение!

– Я так беспокоилась, что вы решите одарить ту женщину...

Причин не делать этого было предостаточно. После ухода секретаря я на всякий случай изучила прецеденты. Если с отменой приёма всё было ясно, то ситуация с подарком меня смущала. Однако, изучив вопрос, я обнаружила, что у императриц всегда были веские причины сделать подарок. Например, чтобы держать в узде растущее влияние одной из фавориток в случаях, когда их несколько. Или если фаворитка была подругой или знакомой императрицы и представительницей знатного рода. Или же принадлежала роду или политической фракции самой императрицы.

Рашта не подпадала ни под одну из этих категорий.

Зачем мне выдумывать несуществующие причины и посылать подарок с намёком «позаботься о моём муже», если у меня и в мыслях нет её опекать? Мне бы не хотелось этого делать. Да и Совьешу сам велел не вмешиваться, прислав

секретаря, – с какой стати мне проявлять инициативу?

– Не беспокойтесь. Если не возникнет веской причины, я не стану её одаривать.

На лицах фрейлин расцвели довольные улыбки.

– Если бы Лора была здесь, она была бы так рада. Но я сегодня собиралась навестить её дома, так что я лично передам ей ваши слова, Ваше Величество.

– Как она поживает?

– О, когда я навещала её в прошлый раз, она просто кипела от ярости на ту женщину.

– Маркиза Тариталь тоже в гневе и на каждом чаепитии поднимает эту тему.

Для меня было бы лучше, чтобы моя соперница имела дурную репутацию в обществе, а не вызывала всеобщее восхищение. В конце концов, если Совьешу и его приближённые уже приняли Рашту с распростёртыми объятиями, зачем моему кругу делать то же самое?

– Ваше Величество, можно я спрошу кое о чём? – Одна из фрейлин осмелилась задать вопрос, и все остальные мгновенно замолчали, устремив на меня взгляды.

– Что такое?

– Ходят слухи, что на Новогодние торжества приедет принц Западного королевства. Это правда?

Я улыбнулась и кивнула. Тут же они, прикрыв лица веерами и ладонями, принялись загадочно переглядываться.

Мне пришлось с силой сжать губы, чтобы не рассмеять-

ся. Их оживление было понятно. «Принц Западного королевства» – это единственный младший брат правителя соседней страны, человек, известный по разным причинам.

– Говорят, он невероятно красив?

– До того, что один лишь взгляд может очаровать!

– Но я слышала, он тот ещё упрямец. Не зря же и прошлый, и нынешний правители Западного королевства оставили попытки женить его.

– Может, слухи о нём как об «арбузе без косточек» правдивы?

– Кто знает? Но у короля нет детей, и у принца, несмотря на то что у него, по слухам, было множество женщин, – тоже... Это наводит на размышления.

Подхватывая обрывки шепотков фрейлин, я неосознанно кивала. Западное королевство, хоть и зовётся королевством, на деле – держава, военная мощь и влияние которой не уступают нашей Восточной империи. Говорят, по богатству ей и вовсе нет равных в мире. Как же не заинтересоваться принцем, первым в очереди на престол такой страны? Принцем, за которым к тому же тянется шлейф всевозможных слухов?

Оставив позади тяжёлые мысли о Совьешу и его фаворитке, я с головой погрузилась в сладкое воркование моих фрейлин.

– Неужели приёма не будет?

Рашта, спросившая Императора Совьешу, насколько пышным будет приём, где они подпишут контракт, и можно ли будет пригласить своих друзей, была совершенно ошеломлена его ответом.

– Но барон Лант сказал, что устроят пышный приём...

– Разве я не говорил? Скоро Новогодние торжества. Ты сама настаивала поспешить с контрактом, хотя я предлагал не торопить события.

– Не понимаю...

Несмотря на объяснения Совьешу, на лице Рашты было написано полнейшее недоумение. Совьешу с запозданием осознал, что переоценил её понимание светских условностей. Она казалась ему сообразительной, и он позабыл, что она не знает вещей, которые для аристократии были чем-то само собой разумеющимся.

– Виноват, это моя оплошность.

– О чём вы говорите?

– Посещение званных приёмов – дело не такое уж простое. Нужно многое подготовить, и это требует немалого времени. Поэтому устраивать пышные приёмы один за другим считается дурным тоном.

– Вот оно что! Значит, на день моего праздника уже назначен другой приём?

– Верно, близится празднование Нового года.

Рашта, грезившая о том, как её на роскошном торжестве будут чествовать аристократы, почувствовала лёгкую досаду.

Ей так хотелось увидеть, как те, кто всегда находился на вершине, толпятся вокруг неё... Но ведь она сама уговорила Императора подписать контракт сейчас, в то время как он предлагал сделать это позже, ссылаясь на занятость. Было очевидно, что, если она покажет своё разочарование, это лишь расстроит его, и в конце концов Рашта, так и не сумев выразить свою обиду, смиренно сомкнула губы.

Однако в день подписания контракта обида лишь разгорелась с новой силой. Рашта думала, что для неё устроят хотя бы скромный приём, а если нет – так хотя бы Императрица навестит её лично, поскольку барон Лант объяснил ей, что все дворцовые дела находятся в ведении Императрицы. Рашта предвкушала, что вместе с извинениями Императрица пошлёт и подарки.

Но сколько она ни ждала, от Императрицы не поступило не то что подарка – даже поздравления, и Рашта почувствовала к ней глубокую обиду.

Даже усердно выученная подпись, которую она с такой лёгкостью начертала на листе бумаги, теперь не казалась ей чем-то особенным, оставив в душе лишь пустоту.

Когда документы были подписаны, канцлер, сославшись на занятость, тут же удалился. Не было ничего из того, что она себе представляла: ни чествования, ни аплодисментов, ни упоения, будто тебе принадлежит весь мир. Совьешу коротко поцеловал её и ушёл, лишь бросив на ходу, что они увидятся позже, поскольку дела ещё не закончены.

Вернувшись в свои покои, Рашта подавленно закрыла лицо руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.